

От редактора

Идея исследовать фигуру вампира возникла достаточно давно. Проблема заключалась, однако, в выборе подходов. Ясно, что одним исследованием фольклорных традиций тут никак не обойтись. Да и почему этот персонаж оказался столь востребован в наше время, и не столько как герой литературный, сколько как постоянно меняющийся лики киногерой? Словом, предстояло разобраться с тем, почему сегодня эта фигура, претерпев необходимые трансформации – от представителя средневековой трансильванской знати до соседа или соседки по лестничной площадке, – оказывается такой живучей, а главное – незаменимой. Разбору этих и других проблем посвящены специально подготовленные материалы данного номера.

*Я не буду вдаваться в тонкости предлагаемых философско-культурологических интерпретаций, которые порой полемизируют друг с другом. Выделю лишь то, что, по-видимому, является разделяемой в общем и целом посылкой: вампир, начиная с Дракулы, – это концентрированное выражение мифов новой эпохи – эпохи господства масс-медиа. Такой взгляд позволяет лишить фигуру неумершего / неумирающего (по выражению Брэма Стокера – *UnDead*) навязчивых макабрических, а также экзотических оттенков. Вампир – тот, кто воплощает эфирную плоть самого кинематографа; заражение, которому он подвергает, – это прививка онейрических образов, всегда избыточных по отношению к культурной экономике.*

Впрочем, у этой темы много других поворотов: историко-политический, религиозный, литературоведческий в смысле сравнительного литературоведения, медицинский и проч. Именно богатство возможных подходов позволяет включить в игру и таких антагонистов вампира, как призрак и зомби. При этом нужно понимать, что речь идет не о «монстрах» самих по себе, а о том, как конструируется монструозность и чему она служит в культуре. В случае призраков, однако, ситуация несколько сложнее: в текстах Ж. Деррида, например, призрак выступает своеобразным инспектором на территории самой

метафизики. Его задача – указать на границы последней, столкнуть ее лицом к лицу с собственными вытесняемыми основаниями. Неудивительно, что призрак – определенный знак альтернативности или хотя бы позитивно понятой неполноты: так, призрачная история не пишется; не достигая символического уровня, она сохраняется в памяти в качестве травмы, травмы коллективной.

Текущий год принес с собой тяжелую утрату. Очень больно говорить о том, что с нами больше нет Лены Ознобкиной, и эта боль не утихает. Невозможно в двух словах сказать о том, чем был этот исключительный человек, всегда проявлявший беспримерную стойкость перед лицом многолетней изнурительной болезни. Если все же попытаться сформулировать импульс, неизменно исходивший от Лены, я бы назвала это выверенной этической, или жизненной, позицией. Этим объясняется многое: сочетание профессиональных занятий философией с полномасштабной правозащитной деятельностью, полная самоотдача в работе и в отношениях с людьми. Никакой дани формальности или условности – жизнь на пределе душевных и физических сил. Я думаю, что мы так же будем помнить Лену: благодаря ее присутствию в жизни, продолжающейся уже без нее. Предстоит обдумать многое из того, над чем она работала и чем увлекалась. Журнал публикует воспоминания издателя Игоря Эбаноидзе, с которым Лена тесно сотрудничала, занимаясь подготовкой нового собрания сочинений Фридриха Ницше. И это лишь одни из первых слов, которые будут сказаны о ней.

Выражаю свою благодарность тем, кто своим участием – моральным и материальным – продолжает оказывать неоценимую помощь данному проекту.